

УДК 929(44)
ББК 63.3(4Фра)5-8
С67

Сотникова, Наталия Николаевна.

С67 Фаворитка Жанна Дюбарри. Роза на эшафоте Франции / Наталия Сотникова. — Москва : Родина, 2023. — 384 с. — (Главная кинопремьера года).

ISBN 978-5-00180-989-0

Чем знаменита Жанна Дюбарри, героиня блокбастера «Фаворитка» с Джонни Деппом и Майвенн, звездой фильмов Люка Бессона?

Откройте для себя невероятную историю мадам Дюбарри, прекрасной музы короля Людовика XV и самой известной куртизанки восемнадцатого века. По мере того как эта книга ведет через предательства, соблазнения и романтические приключения, чарующая красота и загадочная жизнь Жанны заставит смеяться, плакать и чувствовать вдохновение.

· Как незаконнорожденная дочь бедной швеи и монаха превратилась в графиню, фаворитку короля и самую могущественную французенку?

· Действительно ли печально знаменитый «Олений парк» был гаремом короля?

· Сколько любовников было у мадам Дюбарри?

· Что привело очаровательную даже в свои пятьдесят лет Жанну на гильотину?

· Правда ли, что ее палачом был бывший возлюбленный?

На все эти и другие интригующие вопросы ответит новая книга известной писательницы Наталии Сотниковой. Прикоснитесь к одной из величайших трагических историй Франции, полной душевной боли, опасностей, любви и амбиций!

УДК 929(44)
ББК 63.3(4Фра)5-8

ISBN 978-5-00180-989-0

© Сотникова Н.Н., 2023
© ООО «Издательство Родина», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	6
Глава 1. Путь в Версаль	10
Глава 2. Его величество король Людовик XV Возлюбленный	73
Глава 3. Версаль	162
Глава 4. Лувесьен	253
Глава 5. Путь на эшафот	326
Послесловие	376
Библиография	382

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Очень давно мне как-то попала в руки небольшая книга писательницы Галины Серебряковой «Женщины эпохи Французской революции». Десять новелл о судьбах самых разных женщин, которым выпала судьба жить или умереть среди бурь этого крупнейшего катаклизма восемнадцатого века, не претендовали ни на глубину, ни на точность исторического исследования, но давали безапелляционную оценку всем героиням. С девятью женщинами вроде бы все было понятно, но вот относительно Жанны Дюбарри меня почему-то обуяли некоторые сомнения. Я к тому времени начиталась исторических романов и понимала, что Жанна Дюбарри, такая, как ее описала Серебрякова, «жадная, распутная и бездушная проститутка из дешевого кабачка», не могла ни быть принята при чрезвычайно взыскательном дворе Людовика XV, ни оказывать столь сильного влияния на политическую жизнь королевства.

Полагаю уместным сделать здесь отступление для краткого ознакомления современного читателя с личностью Галины Иосифовны Серебряковой, ибо она ему совершенно неизвестна. Между тем в 60-е и 70-е годы двадцатого века трилогия Г.И. Серебряковой о К. Марксе и Ф. Энгельсе издавалась в Советском Союзе тиражами в сотни тысяч экземпляров, поскольку полностью соответствовала требованиям идеологически выдержанного литературного произведения. Жизнь самой писательницы (1905–1980) была чрезвычайно насыщена событиями в духе того времени.

Она родилась в семье родителей-революционеров, в 1919 году вступила в РКП(б), немедленно сбежала на фронт, затем в 1920–1925 гг. обучалась на медицинском факультете МГУ, дважды выходила замуж, оба раза за видных большевистских деятелей, Л. Серебрякова¹ и Г. Сокольникова². В 1936 году началось ее хождение по мукам сталинских репрессий, в результате которых Серебрякова потеряла мужа и отца, пять раз подвергалась аресту, извела лагерь, и ссылки, но в 1956 году была полностью реабилитирована. Как видно из счастливой судьбы трилогии о К. Марксе, писательница полностью владела партийно-классовым подходом к изображению своих героев. Почему же она не применила этот беспроблемный метод при создании образа мадам Дюбарри?

Историю девушки из простонародья, поднявшейся до всецельной фаворитки предпоследнего короля Франции Людовика XV, можно сравнить только с судьбой цирковой наездницы Феодоры, ставшей женой императора Юстиниана. Но по приговору того же народа графиня Дюбарри, женщина уже немолодая и вроде бы далекая от политики, была казнена. Надо сказать, что в СССР как рабочее, так и крестьянское происхождение, в особенности в послереволюционный период (книга была написана в 1929 году и несколько раз переиздавалась вплоть до 1964 года), служило индульгенцией от всех грехов. Если девушка стала проституткой — значит, ее к тому вынудили неумолимые обстоятельства жизни в обществе бесчеловечной эксплуатации. В таком случае она достойна жалости, но не пори-

¹ Леонид Серебряков (1888–1937) — видный деятель большевистской партии, занимал многочисленные посты в политуправлении Красной армии и правительственных органах, последний пост — замнаркома путей сообщения. Репрессирован, впоследствии реабилитирован.

² Григорий Сокольников (1888–1939) — видный государственный деятель СССР, занимал должности наркома финансов, полпреда СССР в Великобритании, замнаркома иностранных дел, наркома лесной промышленности. Репрессирован, впоследствии реабилитирован.

цания. Почему Серебрякова так ополчилась на дочь народа, мне было совершенно не понятно. К моему удивлению, в солидных исторических трудах мнение о мадам Дюбарри зачастую высказывалось с применением примерно таких же эпитетов. Меня позабавило описание ее внешности в одном из них: «она была типичной крестьянкой, крепкой, коренастой, широкобедрой».

Минуло немало лет. По роду своей работы я объездила всю Западную Европу, пользуясь любым случаем приобретать книги по обожаемой мною истории. Среди них были издания и о графине Дюбарри. К своему удивлению, я выяснила, что и на родине королевской фаворитки о ней бытовало далеко не однозначное мнение, иногда почти не отличавшееся от суждений Серебряковой. Но со временем постепенно стало укрепляться убеждение историков в том, что современники отнеслись к этой личности слишком пренебрежительно, не уделили должного внимания ее судьбе, не оценили всю глубину драмы дочери народа, вознесшейся до положения королевы и отправленной на эшафот этим же самым народом. Чем дальше уходит от нас день ее казни в промозглых декабрьских сумерках 1793 года, тем регулярнее появляются более или менее объективные книги о мадам Дюбарри, повествующие о женщине, которой в течение всей жизни приходилось не раз расплачиваться за дарованную ей редкую красоту.

Не оставались в стороне и другие жанры искусства. В конце XIX века на сцене имела успех оперетта популярного австрийского композитора Карла Милёккера «Мадам Дюбарри», которую экранизировали в 1951 году. Первый, но отнюдь не последний художественный фильм о графине был снят известным немецким режиссером Эрнстом Любичем, можно сказать, на заре игрового кинематографа, в 1919 году. Надо заметить, что трактовка ее образа в кинематографе также представляется весьма спорной. В фильме Софии Копполы «Мария-Антуанетта» (2006)

графиня, злобная интриганка, в исполнении итальянской актрисы Аси Ардженто ни по внешности, ни по характеру не имеет ничего общего с реально существовавшей личностью. После ознакомления со всеми этими произведениями мне в очередной раз захотелось разобраться в тех фактах ее жизни, которые более или менее точно известны историкам.

Но заодно пришлось более подробно углубиться и в историю личной жизни короля Людовика XV, чье существование графиня услаждала последние пять лет. Это повлекло за собой изучение судеб всех тех женщин, которые сыграли более или менее заметную роль в любовных увлечениях короля. Их оказалось довольно много, и было бы неправильно полностью умолчать хотя бы о некоторых из них. Но тем не менее все-таки это книга именно о графине Дюбарри — женщине, ставшей символом дряхлеющей королевской власти, бездумной погони за плотскими наслаждениями предреволюционного придворного общества и той жестокой участи, которую уготовила его членам Великая французская революция.

ГЛАВА 1. ПУТЬ В ВЕРСАЛЬ

АНГЕЛОК ВО ПЛОТИ

«Среди них (девиц в кабачке на окраине Парижа) красотой выделялась Жанна Бекю, прозванная Ангелом, девушка добродушная, румяная и глуповатая. Дочь трактирной служанки и монаха, она выросла среди винных луж, спотыкаясь о пьяные тела, засыпая в хмельных парах».

Г. Серебрякова. «Жанна Дюбарри»

19 августа 1743 года в унылом заштатном городишке Вокулёр, расположенном в Шампани на границе с Лотарингией¹, у тридцатилетней незамужней швеи Анны Бекю-Кантиньи родилась девочка. Данный рядовой факт был должным образом занесен в регистрационную книгу приходской церкви Вокулёра:

«Жанна, внебрачная дочь Анны Бекю по прозванию Кантиньи, рождена девятнадцатого августа года тысяча семьсот сорок третьего и окрещена в тот же самый день; ее крестным отцом был Жозеф Деманж и крестной матерью Жанна Бирабен, каковые поставили подписи вместе со мной.

*Жанна Бирабен А. Галон
Викарий Вокулёра
Жозеф Деманж».*

¹ Лотарингия, ныне часть Франции, тогда еще была независимым герцогством.

Младенца, согласно обычаю, нарекли именем крестной матери. Как видим, об отце нет и помину: девочке с момента появления на свет было суждено нести на себе клеймо незаконнорожденной.

Как современники, так и историки практически едины в своем мнении: отцом малышки был Жан-Батист Гомар де Вобернье, монах братства Пикплюс, которое имело в Вокулёре свой монастырь. В миру он был известен как «брат Анж¹». Видимо, монах поддался соблазну и не смог устоять перед пышными формами тридцатилетней швеи, подрубавшей в монастыре подола и рукава подрысников и стихарей. Впоследствии он перебрался в Париж, где служил в церкви богатого прихода Св. Эсташа и в течение всей своей жизни не порывал связи с Анной Бекю.

Соблазн, искушивший благочестивого монаха, на самом деле оказался велик: трудно было устоять перед красотой членов семейства Бекю, унаследованной ими от своих предков. Их дед, простой парижский мясник, содержавший лавочку в Париже в правление короля Людовика XIII, считался одним из самых красивых французов своего времени. Его сын Фабьен, заправлявший харчевней, каким-то образом своей внешностью привлек внимание знатной вдовы, графини Мондидье де Кантиньи. Слышшая оригиналкой аристократка зашла в своем увлечении настолько далеко, что сочеталась с красавцем-трактирщиком законным браком. Увы, семейная жизнь продлилась недолго: супруга вскоре скончалась, оставив безутешному вдовцу в наследство ужасно запутанные имущественные дела. Сражаться с могущественной аристократической родней графини не имело никакого смысла, а потому единственное,

¹ Ange (франц.) означает «ангел». Поскольку в такой дыре, как Вокулёр, все тайное немедленно становилось явным, девочку чуть ли не с самого рождения стали называть «Ланж» (l'Ange — ангелочек), впоследствии взрослая Жанна часто представлялась как «мадемуазель Ланж».

что вынес из этого горького опыта молодой человек, было знатное имя древнего лотарингского рода Кантиньи, которое он присвоил себе, не имея на то ни малейшего права. Страсть французов облагораживать свое незавидное происхождение во все времена была притчей во языцех среди европейских народов.

Дабы обеспечивать каким-то образом свое существование, Фабьен Бекю-Кантиньи поступил на службу поваром к графине Мари-Элизабет де Людр¹, принадлежавшей к одной из ветвей старинного рода герцогов Бургундских, который осел в Лотарингии. В ту пору ей удалось на непродолжительное время стать любовницей короля Людовика XIV. Но слишком амбициозная девица слишком рано поспешила отпраздновать свою победу и не смогла противостоять интригам официальной любовницы Короля-Солнце, всесильной маркизы де Монтеспан. В 1768 году Мари-Элизабет была вынуждена удалиться от двора. После некоторого пребывания в монастыре отставная любовница отправилась в свой замок в глуши близ Вокулёра, прихватив с собой кое-кого из столичного штата прислуги, включая повара. На новом месте Фабьен сошелся с одной из служанок по имени Жанна Юссон. Когда он в 1693 году перешел на службу метрдотелем к другому знатному лотарингцу, г-ну де Рорете, то вступил с ней в законный брак. Замок нового хозяина соседствовал не только с владениями Мари-Элизабет де Людр, но и с деревушкой Домреми, родиной Жанны д'Арк. Впоследствии широкое хождение имела шутка, сравнивающая судьбу двух Жанн, родившихся в этих благодатных местах, из которых одна героически способствовала спасению французского королевства, другая же ускорила его гибель.

Господь благословил супружескую чету Бекю-Кантиньи тремя сыновьями и четырьмя дочерьми, причем дети

¹ Довольно любопытная история Мари-Элизабет де Людр полностью приведена в моей книге «Король-Солнце Людовик XIV и его прекрасные дамы».

с колыбели выигрышно отличались от сверстников своей пригожей внешностью. Все они употребили этот единственный капитал с выгодой для себя: одна из дочерей вышла замуж за владельца гостиницы, вторая — за булочника, а Элен и сыновья отправились попытать счастья в Париже. Не сказать, чтобы судьба особо вознаградила их ожидания, тем не менее им удалось занять высшие позиции в иерархии скромного, но весьма престижного мирка парижской прислуги. Исключительно степенная и рассудительная Элен, получившая в своем квартале прозвище «Елена прекрасная», стала горничной жены королевского библиотекаря, академика Биньона.

Что же касается сыновей, они подались в лакеи, которых тогда выбирали в основном по росту и представительной внешности. Всем троим благодаря их статьям и отменным манерам удалось поступить на службу в самые аристократические дома: Шарлю — к тестю Людовика XV, бывшему польскому королю Станиславу Лещинскому, Николя и Жан последовательно переходили из дома в дом герцогини д'Антен, герцога де Грамон, графа д'Эстре и даже маркизы де Помпадур. Среда в благородных особняках была совершенно иная, нежели у простых буржуа. Ливрейные лакеи щеголяли в костюмах из шелка и бархата, отделанных кружевом и золотым галуном, иногда их даже обеспечивали шпагами. Нередки были случаи, когда подобных лакеев принимали за дворян. Уместно упомянуть: после того как графиня Дюбарри воцарилась в Версале и обзавелась обширным штатом прислуги, она чрезвычайно гордилась тем, что в нем состояли «шестеро самых красивых лакеев, которых только можно сыскать».

Почему Анна, единственная из детей Фабьена, не сумела использовать во благо себе дарованную ей небесную красоту, навсегда останется для нас загадкой. Ремесло швеи оплачивалось чрезвычайно скудно, прожить на такой мизер было практически невозможно, так что ее ре-

путацию сгубила либо склонность к галантным похождениям, либо необходимость обеспечить себе и дочери сносное существование. В Вокулёре размещался военный гарнизон, поэтому недостатка в желающих воспользоваться ее благосклонностью Анна, по-видимому, не испытывала. Надо полагать, наличие одного внебрачного ребенка местное общество скрепя сердце еще стерпело, но когда в феврале 1747 года швея разрешилась от бремени сыном Клодом, жизнь ее существенно осложнилась. Остаться и далее в этом захоустье означало обречь себя и детей на повседневные унижения и беспросветную нищету.

На сей раз судьба смилостивилась над неудачницей, послав ей спасителя в лице генерального интенданта гарнизонов восточной Франции, некоего господина Бийяр-Дюмусо (в некоторых источниках Дюмонсо), посетившего с инспекцией местный полк. Помимо этой должности, он занимал еще и пост казначея ратуши Парижа, чрезвычайно доходное место, обеспечивавшее ему завидное положение в привилегированной сфере финансовой верхушки столицы. Каким-то образом жизненные пути Бийяр-Дюмусо и прекрасной матери-одиночки пересеклись, чиновник был тронут ее тяжким положением и решил, как выражались в те времена, принять в ней участие. Он посоветовал Анне отправиться в Париж, посулив свое покровительство.

В Париже Анна первоначально нашла приют у своей сестры Элен, поскольку в столице, где примерно треть детей была рождена вне брака, на прошлые прегрешения провинциалки общество смотрело сквозь пальцы. К тому же младенец Клод вскоре отдал Богу душу, тем самым существенно облегчив жизнь матери. Господин Бийяр-Дюмусо сдержал данное им обещание и устроил Анну поварихой к своей любовнице, итальянке-актрисе Франческе, ибо швея в полной мере унаследовала выдающиеся кулинарные таланты своего отца. Поскольку красавица Фран-

ческа, подвизавшаяся на сцене под псевдонимом мадемуазель Фредерик, вела довольно свободный образ жизни, вполне вероятно, что поварихе также было вменено в обязанность не только заниматься своими непосредственными делами на кухне, но еще и шпионить за хозяйкой.

С самых первых дней своего существования на этом свете Жанна Бекю, или Ланж, выделялась редкой красотой. Жизнь в Вокулёре была тяжкой, но, судя по всему, Анна прилагала все усилия, чтобы по возможности скрасить убогий быт своей неполной семьи. Во всяком случае, Жанна была очень привязана к своей матери и на протяжении своего жизненного пути чрезвычайно заботилась о ней. Красота девочки приводила в восторг как господина Бийяр-Дюмусо, так и его любовницу. Интендант обеспечивал Франческе роскошное содержание, и в этом доме Жанна впервые узнала, что такое красивая мебель, модная одежда, хороший выезд, изысканный стол. Актриса наряжала Жанну как куклу, интендант, который на досуге баловался живописью, писал с нее портреты пастелью в стиле Буше, изображая малютку в виде то нимфы, то купидона.

В столице Анна, наконец-то, решила устроить свою личную жизнь. В июле 1749 года она вышла замуж за Николая Рансона, человека незначительного, безобразного, с лицом, изрытым оспой, к тому же значительно моложе нее. Господин Бийяр-Дюмусо не оставил немолодых новобрачных своим вниманием и пристроил главу семьи капитанармусом склада поставок на Корсику. В ту пору остров еще принадлежал Генуэзской республике, но на нем начались волнения с требованиями предоставить этой территории независимость. Франция, проявив завидную расторопность, постаралась не остаться в стороне, руководствуясь тайным намерением прибрать Корсику к рукам. По просьбе республики туда был направлен французский экспедиционный корпус с заданием подавить смуту, навводимую сторонниками независимости. Снабжение корпуса

провиантом являло собой поле деятельности, завидное с точки зрения извлечения незаконных доходов. Естественно, ловкие дельцы типа Бийяра-Дюмусо не упустили такую блестящую возможность выловить недурную рыбку в мутной водичке и заработать на этой затее королевства хорошие деньги.

МОНАСТЫРСКИЙ ПАНСИОН

«Жанна Бекю очаровала короля
грубой простотой, невежеством...»

Невзирая на то что новая должность Николая Рансона гарантировала некоторую стабильную обеспеченность, родители были не в состоянии дать Жанне образование. Ей исполнилось шесть лет, и пришла пора подумать о ее обучении. Традиционно считается, что именно Франческа настояла на том, чтобы господин Бийяр-Дюмусо оплатил обучение девочки в монастырском пансионе — единственном учебном заведении, куда в то время можно было поместить отпрыска женского пола. Была выбрана — не без участия отца Жанны, брата Анжа, который к тому времени уже проповедовал в парижском приходе Св. Эсташа, — обитель Св. Ора. В это заведение еще не проникли новомодные веяния в виде преподавания танцев и великосветских манер. Первоначальной целью учреждения этого монастыря было «предоставление убежища для молодых девушек сего прихода, коих нужда толкнула на стезю распутства». В 1723 году задачей общины стало «обучение юности отправлению религиозных обрядов христианской набожности и работам, подобающим женщинам». Хотя годовой курс обучения пансионерки стоил от двухсот пятидесяти до трехсот ливров (некоторые более аристократические монастыри взимали плату до тысячи ливров), даже такая сумма была супругам Рансон не по карману.

Обитель насчитывала с полсотни монахинь и сорок пансионерок. Все они подчинялись практически военному распорядку. Девочек будили в пять утра, в семь часов в церкви начиналась заутреня. На обед их выводили в одиннадцать часов, на ужин — в шесть, а в девять воспитанницы отходили ко сну. Головки пансионерок покрывали накидки из черной кисеи, лоб стягивала лента из грубой ткани, нагрудник не был накрахмален, платье — сшито из плотной белой саржи, на ногах красовались топорно стачанные башмаки из желтой телячьей кожи. В холодное время года выдавалась небольшая накидка. Зимой отапливались только учебные классы, в дортуарах и трапезной же царил ледяной холод. Посему окна никогда не открывались, и в помещениях стояла удушающая вонь. В монастыре не было такого суетного мирского предмета, как зеркало, и Жанна долго оставалась в неведении о том, как она с каждым годом все более хорошела. Единственными радостями в этом беспросветном существовании были посещения любящей матери.

Тем не менее девятилетнее пребывание в монастыре, безусловно, не прошло даром и сформировало многие черты характера будущей фаворитки. В первую очередь оно привило ей искреннюю приверженность к религии. Особа легкого поведения, наделенная большой набожностью, в ту эпоху была не такой уж редкой птицей. Вера бога являла собой неотъемлемую составляющую человеческого бытия, и по историческим свидетельствам известно, как самые разные женщины нередко истово молились перед совершением плотского греха, чистосердечно уповая на отпущение оногo. Впоследствии во всех поместьях мадам Дюбарри по ее распоряжению непременно воздвигалась часовня, и почти каждое утро хозяйка посещала службу. Ее религиозность не была показной, она проявлялась через бесчисленные акты благотворительности, совершаемые ею в отношении нуждавшихся и преследуемых. В го-

ды Великой французской революции она не раз рисковала жизнью, спасая священников, не присягнувших республике. Это лишь усугубило ее вину в глазах судей революционного трибунала.

Более того, религия научила ее смирению, покорности воли Божией, и никогда, даже на самой вершине своего успеха, Жанна не проявляла и тени высокомерия. Не известно ни единого случая, чтобы графиня устыдилась низкого происхождения своих близких, напротив, всегда привечала их и оказывала им всяческую помощь. Даже враги фаворитки были вынуждены признать ее доброту и незлобивость. Незыблемо укоренившиеся в ее душе христианские ценности помогли Жанне выработать железную выдержку, непринужденность и тонкость обхождения, покорившие самый взыскательный королевский двор Европы и снискавшие ей такой успех в Версале.

Что же касается светских наук, то пансионерок учили чтению, правописанию, счету, истории, ведению хозяйства, рукоделию, рисованию и музыке. Ведение хозяйства пригодилось фаворитке, когда она впала в немилость и была вынуждена сама составлять и исполнять бюджет, а также занималась хозяйством с дотошностью рядовой мещанки. Монастырь привил Жанне любовь к чтению, не оставлявшую ее до последних дней. Показательно, что любимым автором мадам Дюбарри был Шекспир, хотя в библиотеке ее замка Лувесьен рядом с серьезными трудами по истории и литературе соседствовали эротические сочинения. Она будто бы была знакома с античными авторами, но сомнительно, что ее увлекало чтение произведений Цицерона или Демосфена, как то утверждали некоторые историки.

У девочки выработался изящный почерк, пожалуй, слишком уж убористый; орфография и грамматика, хотя и не идеальные, были, по мнению историков, ничуть не хуже, чем у дам, выступавших в роли хозяек литератур-

ных салонов и покровительниц искусства. Как и все они, Жанна вполне сносно освоила мастерство владения пером. Ее письма, уснащенные витиеватыми литературными оборотами, свойственными изысканной учтивости восемнадцатого века, всегда исполнены достоинства.

Что же касается рисования, именно уроки рисования воспитали у будущей фаворитки безупречный вкус и стремление покровительствовать искусствам. Даже в горькую годину своего изгнания она не прекращала выплачивать стипендии слушателям школы изобразительных искусств.

Никаких достоверных данных о пребывании Жанны в монастыре не имеется, ибо вся документация обителю была утрачена. Предположение, что обучение в монастыре не оставило у нее приятных воспоминаний, основано на том, что впоследствии при всей своей обширной благотворительной деятельности она ничего не принесла в дар общине Св. Ора. На этом основании клеветники, тщившиеся всячески опорочить графиню, пытались распускать слухи, что девушка была с позором изгнана из пансиона, поскольку приносила туда книжонки непристойного содержания. Историки считают эти утверждения маловероятными. В любом случае, в возрасте пятнадцати лет Жанна покинула монастырский пансион и вернулась к матери, продолжавшей трудиться на кухне Франчески, любовницы господина Бийяр-Дюмусо. За девять лет обучения девушка вполне усвоила основы воспитания барышни из мещанской семьи.

Вероятно, причина преждевременного ухода была более прозаичной: щедрый покровитель прекратил вносить плату за обучение девушки. Вполне возможно, что он сделал это по настоянию любовницы. Франческе нравилось возиться с очаровательной живой куклой, когда та была несмышленной малышкой. Теперь дитя превратилось в ослепительную красавицу, а любовница господина Бий-

яр-Дюмусо демонстрировала все признаки безжалостного увядания. Надо сказать, что природа наделила Жанну большими преимуществами.

Известно, что понятие красоты чрезвычайно варьируется в различных эпохах, у различных народов и в различных социальных слоях. Так вот во Франции XVIII века на звание идеальной красавицы могла претендовать в первую очередь только блондинка. Немаловажную роль играло и то, что при тогдашнем плачевном состоянии гигиены у людей весьма прискорбно обстояли дела с наличием зубов: лишь немногие могли похвастаться даже в молодости здоровыми зубами. В преклонном же возрасте их сохраняли буквально единицы. Именно этой причиной историки объясняют тот факт, почему на портретах той поры художники столь редко изображали улыбающихся людей. Крепкое здоровье Жанны позволило ей надолго сохранить ровные белые зубы.

Вот как описывал Жанну Бекю в своих воспоминаниях принц де Линь¹, познакомившийся с ней немного позднее: «Росту она была высокого, сложения превосходного, восхитительная блондинка, чистый лоб, красивые глаза и равным образом чудесные ресницы, прелестный овал лица с крошечными родинками на щеке, придававшими ей несравненную пикантность; ротик с игривой улыбкой, изумительная кожа, грудь, совершенство которой удерживало от искушения прибегать к каким-либо сравнениям». Красота же Франчески принадлежала ушедшему прошлому, а потому она отчаянно боялась появления в доме юной соперницы. Хозяйка принялась придираться к матери девушки, тем более что та явно была не без греха. Во-первых, ей поставили в вину частые посещения брата Анжа (если кто-то запомнил — предполагаемого отца

¹ Принц де Линь, Шарль-Жозеф (1735–1814)— маршал Франции, военный, дипломат, один из лучших мемуаристов восемнадцатого века и неисправимый повеса.

Жанны). Уверения мадам Рансон, что монах навещает ее на предмет душевспасительных бесед, были безоговорочно отвергнуты. Во-вторых, как и любая нечистая на руку прислуга, повариха не упускала случая слегка надуть хозяйку при закупке провизии. Франческе удалось добиться от любовника увольнения плутоватой служанки, и перед семейством Бекю встал сложный вопрос: каким образом устраивать судьбу прекрасной Жанны?

В людях

В книжонках, состряпанных позднее по заказу недоброжелателей фаворитки, утверждалось, что после изгнания из пансиона она была вынуждена заниматься уличной торговлей галантерейными товарами. Париж просто кишел уличными торговцами самого разного рода, но надо заметить, что это занятие было очень нелегким и даже опасным. Оно предполагало пребывание в крайней нужде, безжалостно толкавшей на этот тяжкий труд. К тому же эти люди зависели от милости буквально любого человека на улице: прохожего, полицейского, конкурирующих собратьев, служащих крупных магазинов. Отсюда маловероятно, что Жанне пришлось опуститься до столь неблагодарного труда. К тому же клан Бекю всегда был готов прийти на помощь и дельным советом, и поиском места, на котором она могла выучиться полезному ремеслу.

Мать Жанны нашла себе место поварихи у некоей мадам Пёжевен, достаточно богатой, для того чтобы пользоваться услугами приходящего «тупейного художника» по фамилии Ламец. Он как раз подыскивал себе ученицу, и, по мнению тетки Жанны Элен, за это предложение стоило уцепиться. Перспективы такого ремесла выглядели чрезвычайно заманчиво: по окончании обучения девушка могла с полным правом посещать дома богатых и знат-

ных дам, соприкасаться с их частной жизнью, возможно, стать поверенной в их тайнах, и, даст Бог, ей повезет обрести состоятельного покровителя. В то время считалось непреложной истиной, что привлекательные девушки из бедных семей самой судьбой предназначены для ублажения господ с тугим кошельком.

Итак, в декабре 1758 года Жанна поселилась в жилище парикмахера и своей красотой внесла вклад в процветание его дела, ибо число клиентов существенного возросло. Естественно, Ламец по уши влюбился в свою пленительную ученицу и не жалел денег на ее содержание. Жанна наряжалась по последней моде, посещение балов перемежалось визитами в театры. В конце концов, куафер разорился и был вынужден бежать от преследования кредиторов в Англию, где его профессиональные таланты определенно не позволили ему умереть с голоду.

Жанна была вынуждена возвратиться в отчий дом, но история с влюбленным парикмахером на этом не закончилась. В дом, где проживала семья Рансон, 17 апреля 1759 года заявила мать Ламеца, обуреваемая гневом по отношению к девице, растратившей деньги ее дражайшего сыночка. Поскольку сама Жанна отсутствовала, незваная гостя со всей своей яростью напустилась на ее мать. Она обозвала ее «растлительницей молодых людей, сводницей, распутницей» и обвинила в том, что ее «дочь-проститутка промотала все денежки ненаглядного сыночка». Попытки мадам Рансон урезонить взбешенную вдову не имели успеха, и она выставила разбушевавшуюся мегеру за дверь. Вопли выведенной из себя женщины разнеслись по всему дому. Мать Ламеца и не думала успокаиваться, а заняла позицию в лавочке торговца фруктами напротив, время от времени во все горло выкрикивая оскорбления в адрес мадам Рансон.

Наконец, появилась сама виновница бурного проявления чувств пришелицы. Мадам Ламец, подобно фурии,

вылетела из лавочки, вцепилась Жанне в руку и осыпала проклятиями эту «распутницу, проститутку, плутовку», угрожая отправить ее в больницу для падших женщин, страдающих дурной болезнью. Невозмутимость, столь восхищавшая придворных в Версале, уже тогда не изменяла Жанне. Девушка попыталась успокоить возмущенную даму, но, не преуспев в этом, ровно тем же спокойным шагом проследовала к себе домой. Мадам Ламец не успокоилась и всю вторую половину дня провела в лавочке напротив дома, время от времени выскакивая на улицу и во всеуслышание изливая свой гнев на эту «растлительницу молодежи, сводню». Обеспокоенная перспективой потери репутации, сего единственного капитала бедняков, и по наущению мужа мадам Рансон в сопровождении дочери направилась к комиссару квартала и подала жалобу на мадам Ламец за клевету. Тронутый невинным видом и красотой юной Жанны, представитель власти счел возмущение оскорбленных просительниц обоснованным. Эта бумага до сих пор хранится в архивах парижской полиции, но неизвестно, был ли дан ей какой-то ход.

Вполне возможно, что некоторые последствия сожительства с Ламецем все-таки были. Хотя историки единодушно утверждают, что мадам Дюбарри не имела детей, существует подозрение, что появившаяся на свет в 1759 году девочка Мари-Жозефина, зарегистрированная как дочь дяди Жанны, Николя Бекю, на самом деле была рождена Жанной. Во всяком случае, именно к этой, лишь одной из всех своих многочисленных кузин будущая графиня Дюбарри всю жизнь питала особенно глубокую привязанность. То же самое можно сказать и об Анне Бекю. Лет десять–двенадцать спустя, когда Жанна стала фавориткой короля, мадам Рансон, невзирая на свое положение замужней дамы, переехала жить в аристократический монастырь, который посещали знатные дамы. Там она была известна под дворянской фамилией мадам де Мон-